

ПОСЛЕ

Развода

ВЕРНИ МОИ КРЫЛЬЯ

Инна Вронская

После Развода. Верни мои крылья

«Автор»

2026

Вронская И.

После Развода. Верни мои крылья / И. Вронская — «Автор»,
2026

— Я подам на развод, — повторила я, и на этот раз в голосе зазвучала сталь.
— Сегодня же, предатель!— С такими, как ты, не разводятся, — голос мужа был тихим и страшным. — Ты прекрасная жена, образцовая хозяйка. Меня все устраивает. Таким, как ты, просто...изменяют. Наша страсть потухла, а я — мужчина в самом расцвете сил. Она родит моего сына, и все встанет на свои места. Все будет как раньше.Кожу жгло огнем, будто кто-то сдирал ее с моего тела. — А пока, — продолжал он, и его пальцы сильнее сжали мой подбородок, — Лена поживет с нами. Ей нужен уход. Вчера у врача были — сказали, ни полы мыть, ни за плитой стоять нельзя. Угроза. Ты поможешь ей. Ты же у нас лучшая хозяйка.В новогоднюю ночь, я узнала, что мой муж, капитан воздушного судна, изменяет мне в рейсах и его любовница беременна.Я развелась. Убежала. Но еще не зная, что тоже жду от мужа предателя ребенка

© Вронская И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

После Развода. Верни мои крылья

Глава 1

Десять лет я училась искусству любви на расстоянии. Каждый его рейс был для меня маленькой жизнью, которую я проживала в ожидании, сплетая из ниток повседневности прочный ковер нашего дома. И сегодня, как и всегда, я провожала его с улыбкой, в которой не было ни капли упрека — только светлая грусть и бесконечная вера в него, в нас, в нашу общую судьбу.

На столе стоял яблочный пирог — наш пирог. Тот самый, с которым ассоциировались все наши самые счастливые моменты. Первое свидание, помолвка, рождение Василисы... Каждая крошка в нем была словно частичкой нашей общей истории. Я пекла его с особой нежностью, вкладывая в тесто всю свою любовь, все те слова, которые постеснялась сказать вслух.

Он вошел на кухню, и воздух наполнился знакомым до боли ароматом — смесью высоты, мороза и его парфюма, который для меня пахнет возвращением домой. Его форма сидела безупречно, подчеркивая благородную осанку. Я всегда любовалась им — этим сильным, красивым мужчиной, который выбрал меня когда-то среди всех женщин мира.

— Нинуль, — его голос, густой и бархатный, разлился по кухне, согревая меня лучше любого солнца.

Я обернулась, и сердце забилось чаще, как в первые дни нашего романа. Да, время шло, но это трепетное чувство никуда не исчезло — оно лишь ушло вглубь, стало фундаментом всей моей жизни.

— Пирог еще теплый, — сказала я, и в голосе прозвучала легкая, счастливая гордость. — Твой любимый.

Он улыбнулся, и в его глазах — этих бездонных синих озерах — я увидела ту самую нежность, что всегда заставляла меня таять. Да, в них читалась усталость — но и любовь тоже. Я была в этом уверена.

— Спасибо, родная. Ты как всегда волшебница. — Он провел рукой по волосам. — Прости, сегодня не могу насладиться твоим шедевром. В голове — предстоящий рейс. Сложный маршрут, погода капризничает.

Я понимала. Я всегда понимала. Его работа была не просто профессией — это было призвание, требующее полной самоотдачи. А моя миссия заключалась в том, чтобы быть его тихой гаванью, тем местом, где он мог бы забыть о всех бурях и просто быть собой.

Он приблизился. Я подняла лицо, и его поцелуй коснулся щеки. Нежный, хоть и быстрый. Напоминание о связи, что была между нами. В нашей спальне царил «штиль» — печальная необходимость, с которой мы оба смирились. После родов Василисы мое тело предало меня, отвечая болью на близость. Врачи разводили руками. Но Ренат... Он был так терпелив, так бережен. «Ничего, дорогая, — говорил он. — Главное — что у нас есть ты, я и наша Василиса. Этого достаточно». Его понимание было мне опорой в самые трудные моменты.

— Завтра вылетаю в Дубай, — сказал он, и в его глазах мелькнула тень сожаления. — Прилечу утром первого. Отметим Новый год тогда, хорошо?

В горле защемило. Мне так хотелось встретить праздник вместе, под бой курантов. Но я видела, как он устал, как тяжела на него легла ответственность за предстоящий рейс.

— Конечно, — кивнула я, заставляя себя улыбнуться. — Мы с Василисой подождем. Ты главное — лети осторожно. Мы будем ждать.

— Всегда осторожен, — он потрепал меня по плечу, и его прикосновение было теплым, родным. — Для меня нет ничего важнее, чем вернуться к вам.

Эти слова согрели меня изнутри. Он ушел, а я осталась стоять, прижимая к груди его слова, как самый дорогой оберег. Да, в нашей жизни были трудности. Но разве настоящая любовь не в том, чтобы принимать друг друга со всеми штормами и штилями? Я верила в него. Верила в нас.

Часы пробили три, когда я поехала за забытыми Василиными варежками к Светлане, моей подруге-диспетчеру. Ее рабочее место всегда казалось мне центром вселенной — местом, где сходятся все маршруты, все самолеты, все судьбы. И его судьба — тоже.

— Нина! — Светлана улыбнулась, протягивая ярко-синие варежки. — Как раз думала о вас! Какой корпоратив шикарный сегодня у «Авиастарса»! В «Астории» весь свет. Ренат твой, небось, уже там? Говорят, такие вечера — отличный шанс для карьерного роста! Все руководство там будет!

Мир на мгновение замер. Корпоратив? Сегодня? Но он же сказал...

— Он... он не говорил, — смущенно пробормотала я, чувствуя, как по щекам разливается румянец.

— Наверное, хотел сделать сюрприз! — подмигнула Светлана. — Мужчины, они такие! Хотят порадовать, а потом забывают сказать в самый неподходящий момент!

Сюрприз... Да, конечно! Он хотел порадовать меня! В спешке, готовясь к сложному рейсу, просто забыл сказать прямо. Мысль показалась такой очевидной, такой жеванной. Мой Ренат, всегда такой собранный в небе, мог быть таким рассеянным на земле в мелочах. Это было частью его обаяния.

Дорога домой пролетела в радостном ожидании. Я забрала Василису из школы, накормила ее ужином, уложила спать с особой нежностью — ведь сегодня мог быть особенный вечер. А потом, улыбаясь, подошла к мусорному ведру. И правда — нашла! Смятый, но целый лист. «Приглашение на Новогодний бал...»

Он не выбросил его намеренно. Он просто забыл! В своей летной сумке, среди карт и документов, это приглашение потерялось. Но он хотел, чтобы я была с ним. Хотел представить меня коллегам, руководству. Может быть, это был его способ вернуть нас к той самой жизни, что была до «штиля»?

Сердце забило в предвкушении. Я не буду его винить. Я сделаю ему настоящий сюрприз! Надену свое лучшее платье, то самое, красное, что он подарил на нашу десятую годовщину. Подойду, возьму под руку, когда он будет разговаривать с коллегами. Посмотрю в его красивые глаза и скажу: «Я так по тебе скучала». И мы вместе встретим Новый год. Как и должно быть. Ведь мы — это мы. И ничто не может разрушить то, что строилось десять лет любви и доверия.

Глава 2

Шелк, скользящий по бедрам, казался мне сегодня не материей, а доспехами. Я облачалась в них, как воин перед последней битвой. Каждый шов, каждая складка этого кроваво-красного платья — того самого, что он когда-то назвал «цветом нашей страсти» — должны были стать моим щитом. Норковая шубка, подаренная после родов Василисы с словами «ты подарила мне целую вселенную», лежала на плечах невесомым и одновременно невыносимым грузом. Сегодня я шла вернуть свою вселенную.

Зал «Астории» встретил меня ослепительным, холодным блеском. Он не грел, а резал глаза. Хрустальные люстры, словно слезы застывшего великолепия, дробили свет на тысячи осколков, которые больно впивались в retina. Музыка — навязчивая, чуждая — пульсировала в такт учащенному сердцебиению. Я стояла на пороге, пытаюсь вдохнуть полной грудью, но воздух был густым и сладким, как испорченный десерт. Я искала его. Единственную знакомую точку в этом море чужих улыбок и притворного веселья. Его высокую, подтянутую фигуру, его затылок, который я знала лучше собственного отражения.

Его нигде не было.

Тревога, та самая, что годами тихо дремала в углу нашего брака, подняла голову и зашептала на ухо что-то колючее и противное. «Он задержался. У него дела. Он устал». Но на этот раз отговорки звучали фальшиво, как плохо сыгранная роль.

Убежище я нашла в дамской комнате. Здесь пахло дорогими духами и чужими секретами. Я уставилась на свое отражение в массивном зеркале — женщина с слишком яркими губами и слишком испуганными глазами. Женщина, надевшая маску уверенности, которая вот-вот треснет.

И тогда я увидела ее.

Она возникла рядом, как материализовавшийся кошмар. Молодая, сияющая, с округлившимся животиком, на котором покоилась ладонь с нежным, собственническим жестом. И на ней было мое платье. Тот самый алый шелк, те же тонкие бретели. Только на ней оно выглядело иначе — не доспехами, а знаменем завоевательницы.

Мир сузился до размеров зеркала, в котором теперь отражались мы обе. Две женщины в одинаковых платьях, разделенные пропастью.

— Какое... прекрасное платье, — выдавила я, и мой голос прозвучал хрипло и неуверенно.

— Спасибо! — ее смех зазвенел, как разбивающийся хрусталь. Она небрежно провела рукой по шелку на своем животе. — Это мне муж подарил. В честь первой годовщины нашего знакомства.

«Годовщины знакомства». Не свадьбы. Слова повисли в воздухе, тяжелые и ядовитые. В висках застучал навязчивый ритм.

— Вам очень идет, — пробормотала я, чувствуя, как красный цвет моего платья начинает меня душить, впиваясь в кожу.

— Да? — она улыбнулась, доставая помаду того же оттенка, что и у меня. Ее движения были плавными и полными самолюбования. — Ренатик всегда угадывает с подарками. У него безупречный вкус.

«Ренатик».

Имя, которого я никогда не слышала, прозвучало как выстрел в тишине. Оно было уменьшительно-ласкательным, интимным, чужим. Таким чужим, что на мгновение мне показалось, что речь идет о другом человеке.

— Какое... странное совпадение, — прошептала я, и мой голос дрогнул. — Моего мужа тоже зовут Ренат.

Она повернулась ко мне, и в ее бездонных голубых глазах я не увидела ни удивления, ни смущения. Только легкое, снисходительное любопытство, будто она разглядывала диковинное насекомое.

— Неужели? — ее губы растянулись в сладкой, ядовитой улыбке. — Как забавно. А мой... мой Ренатик ни в чем без меня не обходится. Ни в чем. — Она наклонилась ближе к зеркалу, подводя губы. — Я его компас. Если вы понимаете, о чем я.

Я понимала. Слишком хорошо понимала. Это был не комплимент. Это было заявление о праве собственности. Предъявление прав.

В этот момент у нее зазвонил телефон. Мелодия была веселой, беззаботной. Она посмотрела на экран, и все ее лицо озарилось такой яркой, такой подлинной нежностью, что у меня перехватило дыхание. Такой взгляд не подделать.

— Да, Ренатик, — сказала она, и ее голос стал сладким, как мед, густым и прилипчивым. — Да, мой хороший. Сейчас уже иду. Не подходи к генеральному без меня, слышишь? Я хочу познакомиться. Я же твой талисман. — Она помолчала, слушая что-то, и ее глаза блеснули. — Ведь тебя сегодня точно назначат руководителем Южного направления. Наш мальчик должен родиться под счастливой звездой.

Каждая ее фраза была ударом кинжала. «Генеральный». «Руководитель Южного направления». Детали его карьеры, его амбиций, о которых он шептал мне по ночам, лежа в постели и строя планы на наше общее будущее.

Она закончила красить губы, с удовлетворением разглядывая свое отражение. Затем ее взгляд упал на собственное отражение в зеркале, на округлившийся живот.

— Надеюсь, у нас будет сын, — сказала она задумчиво, и ее пальцы с нежностью легли на шелк. — С такими же красивыми чертами лица... — она повернула голову и взглянула на меня, будто оценивая, и ее губы тронула легкая, почти невидимая улыбка, — ...и родинкой над губой.

Родинка.

Та самая, маленькая, темная точка над его верхней губой. Та, которую я в шутку называла «меткой судьбы». Та, что была моей, только моей, частью его лица, которую я знала наизусть, которую целовала в счастливые утра и вытирала с нее капельки кофе по вечерам.

Воздух застыл в легких. Звуки мира — смех, музыка, шепот — отступили, утонув в оглушительном гуле в ушах. Я не могла пошевелиться, не могла отвести взгляд от ее губ, произносивших эти страшные, невозможные слова. Я стояла, закованная в ледяной паралич, глядя в зеркало, в котором отражались две женщины в одинаковых платьях, но только одна из них носила в себе его ребенка. И только одна была здесь чужой.

Это был не сон. Это было пробуждение в кошмаре, от которого не было спасения.

Глава 3

Мир за пределами дамской комнаты плыл, как в дурном сне. Я шла, цепляясь взглядом за узоры паркета, боясь поднять глаза. Но они сами нашли их.

Ренат. Мой Ренат. Его рука лежала на ее локте — тот самый жест, который он всегда называл "непрофессиональным". А для нее — можно.

— ...и мы очень счастливы, — доносился голос Лены до меня сквозь шум в ушах.

— Вадим Петрович, разрешите представить — Лена. Моя опора, — говорил Ренат, и его голос звучал так нежно, так гордо, что у меня перехватило дыхание.

Что-то внутри оборвалось. И из этой тишины родился мой голос, хриплый и чужой:

— Здравствуй, Ренат.

Он обернулся медленно, слишком медленно. Его глаза встретились с моими, и в них мелькнула паника, быстро смененная ледяной пустотой.

— Нина? — его голос был ровным, без единой нотки удивления. — Что ты здесь делаешь?

Лена прижалась к нему, ее пальцы сжали его рукав.

— Ренатик?.. — ее голосок дрожал.

Я сделала шаг вперед, не сводя с него глаз:

— А что, мне не положено быть на корпоративе моего собственного мужа? Или здесь есть какие-то... ограничения?

— Ты не в своем состоянии, — холодно произнес он. — Давай не будем устраивать сцен.

— Сцен? — я чувствовала, как дрожат мои руки. — Ты называешь это сценой? Когда я вижу, как мой муж представляет свою беременную любовницу генеральному директору?

Лена ахнула. Ренат сжал губы, его лицо стало абсолютно каменным.

— Нина, прекрати. Ты не понимаешь...

— Понимаю! — мой голос сорвался на крик. — Я все прекрасно понимаю! И годовщину знакомства, и родинку над губой... Все!

И прежде чем я успела осознать что происходит, моя ладонь сама нашла его щеку. Звонкий удар прозвучал как выстрел.

Наступила мертвая тишина. Музыка словно умерла. Все смотрели на нас.

Я видела, как дергается его мышца на скуле, как краснеет след от моих пальцев. Но в его глазах по-прежнему была ледяная пустота.

— Довольно, — тихо сказал он.

Я развернулась и побежала. Слезы текли по лицу, но я почти не чувствовала их. Воздух. Мне нужен был воздух.

Мои пальцы уже касались холодной ручки двери, когда железная хватка сомкнулась на моем запястье.

— Нина, — его голос прозвучал прямо у моего уха. — Ты никуда не пойдешь.

Я замерла, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Побег не состоялся.

Глава 4

Его пальцы впились в мое запястье с такой силой, что кости затрещали. Он развернул меня к себе, и его лицо, обычно такое любимое, теперь казалось маской из чугуна и льда. Холодный, отполированный взгляд, в котором не осталось ничего человеческого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.